

В. А. Гаврилин,

композитор,
лауреат

Государственной премии РСФСР

Истоки

Чувство Родины... Мне кажется, что каждый человек рано или поздно вдруг остро переживает это чувство. Конечно, по-своему, в меру своего характера, своей профессии и, главное, в меру своей соединенности со своим Отечеством. Думаю, что происходит это в зрелую пору, когда человек уже познал и радости, и горести, и не только свои, но и чужие. Я бы назвал это ощущением национальной принадлежности. Говорить об этом очень трудно, нужны особенные, возможно, очень простые слова, чтобы выразить этот глубинный пласт человеческого бытия. А как правило, такие слова приходят трудно.

Я сам вологодский, из деревни Перхурьево. Рос в детском доме, потом попал в Ленинград, где и остался. Казалось бы, чего лучше, прекрасный город, культурный центр, тут и филармония, и консерватория, и различные музеи. Несомненно, это помогало мне. Но композитором я стал, скажу прямо, лишь благодаря своему родимому краю. В какой-то нелегкий период творческих поисков я ощутил, как из глубины души стали, сначала робко, потом все явственнее, выплывать мелодии, звуки, краски родной Вологодчины. Ведь в детстве я застал в деревне и посиделки, и старинные обряды, и песни, и даже хорошие кулачные бои! И все это вдруг охоро, стало заполнять меня, волновать, радовать настолько остро, что я неожиданно почувал, что твердо стою на вологодской земле, как то дерево, что корнями врастает в свою почву, в русскую. И вот тогда я написал свое первое, на мой взгляд, настоящее произведение — «Русскую тетрадь». Сейчас оно кажется мне несколько наивным, но оно дорого мне, потому что состоялось из-за радостного удивления, открытия своего «Я», от внезапно нахлынувшего чувства родства с Родиной. Так это было со мной.

В моем творчестве, в моей жизни особую роль сыграло русское народное творчество. Оно пробудило гражданское отношение к моему труду. Я понял, что без знания, а главное, без понимания звучащей стихии фольклорного песенного наследия России писать не смогу. Я прикинул к этому живительному роднику,

вновь и вновь перечитывал книги по фольклору, стал слушать записи, ездить в экспедиции, но это дало далеко не все. Оказалось, что сами по себе знания о русской народной культуре еще не приносят ни силы, ни вдохновения, это еще, как в наших сказаниях говорится, мертвая вода. А вот где та, живая, которая наполняет и тебя, и твою музыку одухотворением, близким, созвучным, понятным каждому русскому человеку?! Пока не ощутишь песенной народной стихии всей своей кровью, душой, ничего не получится. Это надо пережить самому. Вот часто по радио или телевидению звучат так называемые русские мелодии и их переложения, написанные современными композиторами. Но чувствуешь — они мертвы, схоластичны... Раньше я никак не мог найти причину этому. Теперь отвечаю точно — они не национальны, они живут вялой, искусственной жизнью, в общем, никому не нужной.

Естественно возникает вопрос: какими же должны быть произведения, чтобы полнокровно жить в современном музыкальном искусстве? Ответить непросто. Но своим пониманием, своим открытием необходимости соединения каждого художника с народным творчеством хочу поделиться.

Я уверен — люди не могут жить без искусства. Это потребность любого человека. Об этом в первую очередь и говорит народное искусство: музыкальное, прикладное, любое. Искусство — это потребность делиться друг с другом чувствами, сопереживать. Если современное искусство не будет нести этого, люди отвернутся от него. В человеке чувство прекрасного существует само по себе. Без этого чувства человек жить не может. При общении людей постоянно происходит своеобразная диффузия этого прекрасного от одного человека к другому, как бы рассыпано оно ни жило в каждом. Прекрасное объединяет людей. Профессиональное искусство улавливает эти смутные, порой неосознанные движения человеческой души, придавая им прочные формы.

Меня в свое время поразило, как Глеб Успенский в одном из рассказов очень точно передал жизнь искусства в простом человеке, в бедном русском крестьянине. Его герой приезжает в нищую русскую деревню. Сначала ему трудно даже представить, как в этой серости может существовать человек. Но постепенно, вникая в жизнь крестьян, он видит, как ежедневно, ежечасно здесь рождаются добро и красота. Я бы назвал это хорошим русским словом — лад. Сюда входит вся жизнь селянина, его труды и дни: и как он выходит из дома, и как поит теленка, и как творит он красоту своими руками.

Сюда включаются цвет неба, цвет ржаных полей, пение соловьев и жаворонков, линии избы, предметов быта. Все эти компоненты и составляют прекрасное. Так было всегда. Это вечные ценности. И современному художнику в наше бурное созидательное время нужно почувствовать и раскрыть это прекрасное в простом человеке, уловить в своем творчестве живую нить. И тогда оно будет нужным и близким твоему народу.

По-своему прекрасно музыкальное наследие каждого народа. Но чтобы оценить его по-настоящему, нужно знать и любить прежде всего свою собственную культуру, что и значит — быть русским. Русское народное искусство однородно и единосушно с искусством любого другого народа, содержащего все истоки народной жизни во времени, в пространстве, в истории. Нам нужно учиться у народа естественности и органичности. В фольклоре все просто, понятно, все в ладу с окружающим. На празднике — праздничные песни, на свадьбе — свадебные, на похоронах — плачи. Весной — встреча весны, зимой — посиделки, на дороге — дорожные песни; и никогда не спутать, что грустно, что весело. Все это своего рода кладезь с живой водой, святой водой.

Меняется наша деревня, и нам надо сберечь ее искусство, не дать ему уйти, сохранить животворную почву под нашими ногами. Никакие записи, никакие музыкальные фонды не дадут нам понимания естества природы, сущности каждого народа так, как это дает живой фольклор.

Я не люблю распространившихся в последнее время этнографических концертов, когда привозят исполнителей из деревень в Москву или Ленинград, и поют они в больших концертных залах. Чувствуешь себя как-то неловко, неудобно. Произведения таких исполнителей напоминают мне срезанные цветы в вазе с водой. Да, они красивы, но никогда такой букет не даст представления о цветущем поле, о живой природе, небесах. Все в народном творчестве имеет свое место, свое время, все чему-то предназначено. По-моему, для эстрады это не годится. Это должно соответствовать своему окружению, природе, измам родного села...

То же самое относится и к классической музыке. Ее исполнение, на мой взгляд, уместно только в концертных залах консерваторий, в музеях или старых дворцах. Все хорошо в своей музыкальной среде. Кстати, ее тоже нужно беречь. Сохранить ее — значит выполнить не менее важную задачу, чем сочинить блестящее, даже изощренное по форме произведение.

Сцена концертного зала вряд ли может служить такой средой для музыкального фольклора. Говорят, такие концерты нужны специалистам. Может, это и так. Но, по-моему, нельзя понять народную культуру в отрыве от ее естественной жизни, от ее истоков. Читаешь иногда о том, что определенный музыкальный интервал характерен для южнославянской музыки, для татарской, мордовской и т. п. Это же не настоящее изучение, это статистика. Настоящее изучение — это проникновение в живую душу народа. Я говорю об этом потому, что сам долго бился над пониманием сущности фольклора. Однажды в экспедиции по Ленинградской области произошел со мной удивительный случай, который не только озарил меня, но, я считаю, даже вывел в композиторы.

В то время я интересовался так называемыми «жестокими романами», например «Хаз Булат удалой...», в общем-то убогих по музыке и тексту. Они перенесены в деревню из города непонятно каким ветром. И вот оказывается, что здесь и они обретают свой смысл, свое назначение. Помню, когда женщины пропели нам все обрядовые, все грустные и веселые народные песни, вдруг говорят: а теперь послушайте нашу любимую. И запели романс «Сижу, на рояле играю...». И вот, глядя на них, слушая их, этих тружениц с загрубевшими от работы руками, всю жизнь проживших в деревне, я почувствовал, что значит для них эта песня. Она была их мечтой о несбыточном, призрачном, даже непонятном, но прекрасном. Но увидеть душу, которую обрел романс в их исполнении, я мог только здесь, в этой деревне, среди этой природы. В ресторане, да и в филармонии это звучало бы пошло.

Я уверен, что эти мысли о народном творчестве близки художникам любой национальности нашей страны, потому что перед нами стоят те же проблемы, те же задачи.

Глубоко национальные произведения всегда интернациональны. В этом их сила, этим они сближают людей, делают их братьями. Нельзя выдумывать «музыкальное эсперанто», понятное лишь немногим, как невозможно стать национальным художником по заказу, нарочно.

И ничто так не могло впитать столько интернационального, как Россия в силу грандиозности своей. Вся ее история, вся ее культура говорят о том, что русский человек всегда жил в братстве с другими народами. В этом и сила ее, и счастливый дар быть матерью каждому, кого приняла она под свое крыло. И когда я сочиняю свою музыку, я думаю об этом, я чувствую это.